

Попов И. И.

**Герман Александрович
Лопатин**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. И. П.**
Герман Александрович Лопатин / Попов И. И. – М.: Книга по Требованию,
2025. – 62 с.

ISBN 978-5-519-79076-5

ISBN 978-5-519-79076-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Г. А. Лопатин принадлежал к числу наиболее выдающихся людей конца прошлого столетия. Его яркая фигура резко выделяется на протяжении многих лет на фоне революционной жизни России. Не входя в революционные организации, он, тем не менее, всегда играл главную роль, если брал на себя выполнение какого-нибудь предприятия. Он прошел и через него прошли все революционные течения, начиная с каракозовцев и кончая „Народной Волей“. Обладая исключительными способностями, обширными знаниями, всесторонне образованный, говорящий на нескольких языках, с блестящим умом, энергичный, отважный, жизнерадостный, умеющий владеть собой в самые опасные моменты жизни, с исключительной добротой и внимательный к другим, прекрасный оратор, он производил чарующее впечатление на всех, кто с ним встречался. Вся внешность его располагала к нему. Открытое лицо, обрамленное довольно большой, веером, белокурой бородой, ясный взгляд серых глаз, смотрящих через очки, вдумчивое и внимательное, иногда с юмором, но всегда с уважением, заботливое отношение к человеку, оригинальные суждения и

быстрые заключения, ясные и определенные замечания,—все в Лопатине, не исключая его физической силы и красоты, говорило, что перед вами не заурядный человек... „Он,—характеризует Лопатина П. Л. Лавров,—был душою всякого общества, привлекал к себе и самодура-генерала, губернатора Восточной Сибири, и ученых исследователей, и молодых девушек, и осторожных каторжников, и фанатиков-революционеров“. „Я в жизни не встречал более замечательного человека“, пишет в письме к вдове поэта, З. Н. Некрасовой, Г. И. Успенский. „Несокрушимый юноша“, „умница и молодец по-прежнему“, „светлая голова“—вот лестные отзывы, которые И. С. Тургенев делает о Лопатине в письме к Лаврову. П. Л. Лавров был близким другом Германа Александровича, высоко ценил его ум и дорожил его отзывами об ученых трудах, написанных самим Лавровым, почему перед печатаньем отсылал их на просмотр ему. Н. К. Михайловский вполне соглашался с характеристикой Лопатина, которую делал Успенский. Михайловский из длинного ряда революционеров, из которых он знал многих, выделял Лопатина и В. Н. Фигнер.

Другие русские писатели и ученые относились к Лопатину с большой симпатией, с такой же, как Успенский и Тургенев. Но Лопатина знали и за границей, где его также ценили и уважали. Молодым человеком он познакомился с К. Марксом и Фр. Энгельсом. Маркс, редко сближавшийся с людьми, считал себя другом Лопатина, высоко ценил его и также дорожил его отзывами о своих научных работах. Интересный

собеседник, рассказчик-художник с большой долей юмора, Герман Александрович, несомненно, обладал и беллетристическим талантом. Недаром Тургенев, сам тонкий художник-писатель, убеждал Лопатина писать, находя у него блестящий литературный талант. Но писать Лопатину было некогда: всю свою жизнь он отдал на служение народу, и она была полна событий и приключений, захватывающий интерес которых давал материал художнику-писателю для завлекательного романа. Недаром Г. И. Успенский задумал написать роман „Удалой добрый молодец“, героем которого должен был быть Г. А. Лопатин.

О Лопатине с уважением отзывались даже жандармы, считая его смелым, опытным, выдающимся, а следовательно, и наиболее опасным революционером. „Поручая Лопатину роль разведчика, наделяя его большими полномочиями, анархисты-эмигранты не могли сделать лучшего выбора. Это был интеллигентный, смелый и опытный человек, не новичок в своем деле, с широкими горизонтами и большой предприимчивостью. Он участвовал в движении 20 лет“. Так характеризовал Лопатина в своем докладе жандармский генерал Шебеко.

А вот что пишет о 20-ти годах жизни Лопатина Г. И. Успенский Н. К. Михайловскому: „Повесть („Удалой добрый молодец“), которую пишу, — автобиография, не моя личная, а нечто вроде Лопатина. Чего только он не видал на своем веку! Его метало из губернаторских чиновников в острог, на Кавказ, с Кавказа в Италию, прямо к битве под Ментоной (здесь был разбит знаменитый итальянский

революционный генерал Джузеппе Гарибальди.—*И. И.*), к Герцену, потом в Сибирь на три года, потом на Ангару, по которой он плыл тысячу верст (не тысячу, а три, и один, в двухвесельном челноке), потом в Шенкурск, в Лондон, в Цюрих и Париж. Он видел все и вся. Это целая поэма. Он знает в совершенстве языки, умеет говорить с членом парламента, с частным приставом, с мужиком, умеет сам притворяться и частным приставом, и мужиком, и неучем, и в то же время может взойти сейчас на кафедру и начать о чем угодно вполне интересную лекцию. Это изумительная натура. Я и думать не могу охватить все это, но уголок я постараюсь взять в свою власть“.

Г. И. Успенский ничего не говорит о литературных трудах Лопатина, между тем он, не говоря об его оригинальных статьях в нелегальных изданиях, перевел на русский язык „Социологию“, „Этику“ и „Психологию“ Г. Спенсера, „Старый порядок во Франции“ И. Тэна, сочинения Карпентера по психологии, Грант-Аллена о Дарвине, Тиндаля, Клиффорда и несколько других авторов по биологии и физике, а также начал перевод „Капитала“ К. Маркса. Г. И. Успенский писал свое письмо Н. К. Михайловскому, когда революционная деятельность Лопатина еще не закончилась. Прибавьте к его поэме-жизни последние страницы революционной деятельности Лопатина, его смелые планы и задания в рядах разгромленной и преданной партии, а потом арест, предварительное заключение, суд, приговор к смертной казни, 21 год

страшного заключения, из них 18 лет в Шлиссельбурге, и поэма-жизнь обратится в трагедию, из которой Герман Александрович вышел жизнерадостным, энергичным, даже блестящим, хотя и постаревшим. Да, это был удивительный во всех отношениях человек, и на его жизни стоит остановиться.

Г. А. Лопатин родился 13 января 1845 г. в Н.-Новгороде. Отец и мать его происходили из довольно старинного дворянского рода. К отцу и матери Г. А. относился с большим вниманием и писал им, особенно матери, часто письма. Чтобы не тревожить мать, Г. А. поручал П. Л. Лаврову пересылать его письма из Парижа даже в то время, когда он сам был в России и занимался революционными делами. Мать всегда писала в адрес Лаврова. И мать, и отец Германа Александровича умерли уже во время заключения его в Шлиссельбургской крепости.

Когда Лопатину было пять лет, отец его, в чине действит. статского советника, перевелся на службу в Ставрополь Кавказский и занял там для провинциального чиновника важный пост—управляющего казенной палатой. Лопатин учился в Ставропольской гимназии. В 1862 г. он кончил курс с золотой медалью и уехал в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета. В университете он имел большое влияние на студентов, являлся до известной степени их вожакom и нередко инициатором „студенческих историй“.

В 1865 г. он привлекался по требованию III-го Отделения к университетскому следствию по поводу волнений при назначении на кафедру физики проф. Ленца.

На студенческой скамье Лопатин познакомился и сблизился с известным И. А. Худяковым, одним из деятельных членов революционного кружка, основанного Н. А. Ишутиним. Из Ишутинского кружка вышел Д. В. Каракозов, стрелявший потом в Александра II-го. Худяков старался убедить Лопатина войти в состав кружка, который, между прочим, намечал цареубийство. Лопатин заявил, что он не верит в то, „чтобы насильственная смерть государя, при отсутствии сильной революционной партии, могла повести к чему-нибудь путному, кроме усиления реакции“. Лопатин остался в стороне от организации. Но это не мешало ему иметь довольно обширное знакомство с ее членами и оказывать им разные услуги.

4 Апреля 1866 г. у ворот Летнего сада Каракозов стрелял в императора Александра II-го и промахнулся. Правительство растерялось, и для раскрытия заговора по высочайшему повелению была учреждена особая следственная комиссия, под председательством печальной и позорной памяти усмирителя польского восстания, М. Н. Муравьева-Виленского, уж тогда прозванного „Муравьевым-вешателем“. Муравьев взялся не только раскрыть участников заговора на жизнь царя, но и искоренить в обществе и самое „нигилистическое направление“. Он обрушился на литературу, на журналы, главным образом, на „Современник“ и

„Русское Слово“, на трудовые артели, воскресные и бесплатные школы, на благотворительные и другие общества и т. д. Все было взято под подозрение. Для искоренения „революционной гидры“, стали хватать направо и налево людей, совершенно не имевших никакого отношения к Каракозовскому делу; 13 мая 1866 г. был арестован и Лопатин. Ему поставили в вину его знакомство с А. Никольским, арестованным вместе с Худяковым, и участие в школе А. Е. Европеус, где он преподавал физику. Европеус обвиняли в „нигилистической пропаганде“. Находчивость, умение не говорить лишних слов, внешняя искренность и даже большая подробность в показаниях, в которых не было ни слова правды, подчеркиваемое самим Лопатиным легкомыслие и любовь к жизни и в то же время увлечение наукой убедили жандармского капитана Никифораки, снимавшего с Лопатина допрос, что этот „милый юноша“ не собьется с пути. После двухмесячного заключения в крепости, Лопатина освободили из тюрьмы, без всяких для него последствий.

Жандармы, что называется, проморгали деятельность Лопатина после ареста Худякова и других каракозовцев, которые просили Лопатина ликвидировать оставшиеся кружки и дела, а где можно, скрыть следы их деятельности. Лопатин исполнил их просьбу и проявил в этом первом для него деле огромную организаторскую способность. Он в течение месяца был в своем роде центром оставшихся на свободе каракозовцев. Он извещал их об арестах товарищей, выу-

живал у них документы, прятал нелегальную литературу, уничтожал компрометирующую переписку, сносился с арестованными, иногда натыкался на обыски и благополучно уходил от них. К моменту своего ареста, он, не будучи каракозовцем, ликвидировал каракозовскую организацию.

Таков был этот, по определению жандарма, „милый юноша“, проявивший и во время ликвидации организации, и во время допроса, под видом „легкомыслия“, зрелость мудреца.

После освобождения из крепости, Лопатин по-прежнему занялся уроками, мелкой литературной работой, переводами, а главное, составлением и подготовкой к защите своей кандидатской диссертации. В 1866 г. Лопатин блестяще окончил курс в университете, а поданная им диссертация „О самопроизвольном зарождении“ произвела не мало шума и обратила на Лопатина внимание ученого мира. Мало разработанный вопрос был им разобран всесторонне и строго научно. Лопатин блестяще защитил диссертацию, и, несмотря на разногласие со всеми оппонентами, ему предложили остаться при университете. Но он отказался от профессорской кафедры, потому что его „свободолюбивой натуре претило наложить на себя оковы какой бы то ни было обязательности“. Так через много лет, в 1887 г. на суде, Г. А. мотивировал свой отказ читать лекции в университете. Это правило красной нитью прошло и через всю его жизнь. Сближаясь с самыми разнообразными и в то же время высоко выдающимися людьми, Лопатин

всегда сохранял свою самостоятельность. До 1884 г. он не входил ни в одну революционную организацию и не примыкал ни к одному из радикальных течений. Только под конец своей свободной жизни он примкнул к „Народной Воле“ и вошел в ее ряды, как член Исполнительного Комитета. Но, не входя в партии, он всегда близко стоял к революционным деятелям и делам и помогал им, а часто один, за свой страх и риск, организовал целый ряд революционных предприятий.

Вопрос о таких предприятиях у Германа Александровича разрешался быстро, зря время не тратилось. Быстро, с присущей ему талантливостью, он разбирался в условиях задуманного дела и составлял план выполнения его.

В 1867 г. Лопатин прочитал в газете телеграмму из Италии о том, что известный революционный генерал Джузеппе Гарибальди бежал с острова Капри, куда он был водворен по требованию папского правительства итальянским правительством, и собрал своих гарибальдийцев. Гарибальди вторгся в папскую область и шел на Рим. В день получения телеграммы Лопатин выехал из Петербурга и помчался, конечно, без паспорта, в Италию. Но участвовать в походе Гарибальди ему не удалось. Он не успел доехать до Италии, когда при Ментоне Гарибальди был разбит французскими войсками, а через некоторое время его войска были обезоружены войсками короля

Виктора-Эммануила, и Гарибальди в качестве военнопленного был отвезен в крепость.

П. Л. Лавров рассказал один эпизод из этой поездки Лопатина в Италию, хорошо характеризующий последнего, как живого, отважного, не способного молчать человека, когда он видит подлость людей. Усталый, голодный, Лопатин вошел в трактир где-то около Ниццы. Было уже близко к ночи. Костюм у него был непривлекательный, денег мало, и хозяйка таверны не соглашалась оставить его ночевать, но разрешила с'есть что-нибудь. За столами обсуждали последний поход Гарибальди. Революционный генерал был побежден, и прислужники официального правительства не стеснялись чернить Гарибальди. Патриоты и гарибальдийцы мрачно молчали. Герман Александрович не выдержал и на ломаном итальянском языке сказал пламенную речь в защиту Гарибальди, называя его последним рыцарем XIX в. Сказать такую речь было небезопасно. Противники итальянского героя не ожидали такого нападения и замолчали, а патриоты ободрились, и глаза у них заблестели.

— Уже поздно, иностранец, можете остаться ночевать, это нас не стеснит,—пригласила Лопатина хозяйка, не желавшая раньше оставить его ночевать.

На обратном пути в Россию, Герман Александрович заехал в Ниццу к знаменитому эмигранту-писателю А. И. Герцену, познакомился с ним. Оба произвели друг на друга наилучшее впечатление.

В Петербурге о поездке Лопатина в Италию не знали. Вернувшись в Россию, Герман Александрович